

Дудышкин Владимир Алексеевич

ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ НЕОКАНТИАНЦЕВ (А. И. ВВЕДЕНСКИЙ И Б. А. ФОХТ)

В статье рассматривается генезис логических исследований в рамках неокантианской школы России конца XIX - начала XX века. В целях исключения достаточно емкого исследовательского процесса, выбор автора был сосредоточен на некотором компаративном анализе двух наиболее ярких фигур отечественного неокантианства: А. И. Введенского и Б. А. Фохта, чья научно-исследовательская философская деятельность вызывает неподдельный интерес с точки зрения вклада в рациональную традицию отечественного философствования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 47-52. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

художественные табло, иллюстрации, миниатюры, бюсты и портреты видных деятелей литературы и культуры Азербайджана. Все эти экспонаты свидетельствуют о многовековом пути развития творческой мысли азербайджанского народа. Следует подчеркнуть, что остается множество неисследованных страниц истории отечественной литературы. Работа продолжается...

Список литературы

1. **Ахундов И.** О принципах составления экспозиции истории литературы // Труды Музея азербайджанской литературы имени Низами. 1961. Т. 1. С. 42-56.
2. **Буньятзаде С.** Летопись периодики нашей литературы и культуры // Труды Музея азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви. 2002. Т. 11. С. 131-135.
3. **Гусейнов Р. Б.** Сборник, освещающий сокровищницы // Хазине: сборник каталогов. Б.: Нурлан, 2006. С. 3-9.
4. **Мехдиева М.** Влюбляющие в национальную литературу // Труды Музея азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви. 2000. Т. 8. С. 52-59.
5. **Микеладзе Г.** Отреставрированный по инициативе Ильхама Алиева музей Низами готов к встрече с посетителями [Электронный ресурс]. URL: http://1news.az/articles.php?item_id=8 (дата обращения: 16.09.2008).
6. **Мирахмедов А.** Из истории нашего музея // Труды Музея азербайджанской литературы имени Низами. 1961. Т. 1. С. 8-22.
7. **Официальный сайт НАНА** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elm.az> (дата обращения: 13.10.2010).
8. **Тагизаде Ш.** Редкие рукописи из фонда музея // Труды Музея азербайджанской литературы имени Низами. 1961. Т. 1. С. 70-87.
9. **Труды Музея азербайджанской литературы имени Низами:** в 12-ти т. Б.: Изд-во АН АССР, 1961. Т. 2. 151 с.
10. **Труды Музея азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви:** в 12-ти т. Б.: Елм, 1994. Т. 6. 280 с.
11. **Храм науки:** библиография / отв. ред. И. Р. Ибрафимов. Б.: Марс Принт, 2000. 164 с.
12. **Храм слова:** путеводитель / отв. ред. Р. Б. Гусейнов. Б.: Араз, 2009. 49 с.

MUSEUM NAMED AFTER NIZAMI – UNIQUE BUILDING, UNIQUE EXHIBITS

Nazmin Rustam gyzy Dzhaferova

*National Museum of Azerbaijani Literature named after Nizami Gyandzhevi National Academy of Sciences of Azerbaijan in Baku
Nazmin17@mail.ru*

The author reveals the history of the unique building which is now National Museum of Azerbaijani Literature named after Nizami Gyandzhevi of National Academy of Sciences of Azerbaijan and pays special attention to the unique exhibits reflecting all the wealth and greatness of Azerbaijani literature and art.

Key words and phrases: Azerbaijan; museum; Azerbaijani literature; Azerbaijani culture; scientific-fund work; exposition; unique exhibits.

УДК 160.1

В статье рассматривается генезис логических исследований в рамках неокантианской школы России конца XIX – начала XX века. В целях исключения достаточно емкого исследовательского процесса, выбор автора был сосредоточен на некотором компаративном анализе двух наиболее ярких фигур отечественного неокантианства: А. И. Введенского и Б. А. Фохта, чья научно-исследовательская философская деятельность вызывает неподдельный интерес с точки зрения вклада в рациональную традицию отечественного философствования.

Ключевые слова и фразы: логика; философия; гносеология; неокантианство; психологизм; силлогизм.

Владимир Алексеевич Дудышкин, к. филос. н.

Кафедра «История и философия»

*Тамбовский государственный технический университет
vesu@mail.ru*

ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ НЕОКАНТИАНЦЕВ (А. И. ВВЕДЕНСКИЙ И Б. А. ФОХТ)[©]

Настоящая статья написана в рамках научно-исследовательской работы по гранту Президента РФ № МД-4045.2011.6 «Феномен русского неокантианства в контексте русской и европейской философии конца XIX – первой половины XX века». Руководитель проекта – д. филос. н., проф. Н. А. Дмитриева.

Сам факт зарождения такого яркого феномена мировой философии и культуры как неокантианство был связан, в первую очередь, с провозглашением и обоснованием лозунга «Назад к Канту», выдвинутого немецким философом Отто Либманом (1840-1912 гг.) в работе «Кант и эпигоны», которая вышла в свет в

1865 году. Именно 1856 год ознаменовал собой появление нового течения философской мысли – неокантианства, которое, став весьма удачным критико-рационалистическим философско-методологическим обоснованием научного знания, в недалеком будущем, полностью еще «не изжив» себя и не будучи изнутри преодоленным другим философским направлением, было прервано вступлением на философскую сцену экзистенциализма и просто прекратило свое существование; а потому, как пишет Н. А. Дмитриева, «остановленная на лету философия» [7, с. 6] неокантианства продолжает таить в себе множество неисхоженных путей. Другими словами, абсолютно неспроста это явление духовной жизни характеризуется метафорой «прерванный полет».

И здесь, для более четкого истолкования сферы философствования и научных интересов представителей марбургской школы неокантианства (а именно она занимает приоритетное положение в фокусе научной теории познания, в отличие от баденской школы, и преимущественно интересует нас), просто необходимо хотя сколько-нибудь поверхностно осветить суть поставленной ими проблематики (методология науки, критерии оценки истинности суждений и пр.) и интенции философской мысли в ее пределах.

Итак, основателем и руководителем марбургской философской школы неокантианства был Герман Коген (1842-1918 гг.). Также виднейшими теоретиками марбургского неокантианства были Пауль Наторп (в дальнейшем – последователь Г. Когена) (1854-1924 гг.) и Эрнст Кассирер (1874-1945 гг.). Представители марбургской школы, в некотором отношении сближаясь с представителями позитивизма, утверждали, что познание мира, в котором мы живем, есть дело частных наук. Задача же философии состоит в том (и в этом основная ее суть!), чтобы исследовать сам процесс научного познания, быть своего рода «наукой о науке» или «наукоучением». Философия для марбуржцев выступает, прежде всего, как логика. Она является не только научной по своему методу, но и обязательно должна быть, и может быть также по своему предмету только «философией науки», а именно «логикой науки». Образцом научной строгости (научности) для марбуржцев является математика и математизированное естествознание (преимущественно, физика). Г. Коген математику даже считал основой всех точных наук, а основой самой математики – число, вернее абстрактное понятие числа. Процесс же познания при таком подходе целиком сводится к единственно возможной константе действительно научного знания – мыслительному, логическому процессу (т.е. в научном познании – интеллигибельном – полностью исключается и отбрасывается чувственный элемент – сенсительный – как его «крайне сомнительная» составляющая). Таким образом, у неокантианцев марбургской школы процесс познания целиком сводится к логическому процессу, т.е. процесс познания отождествляется с процессом логического конструирования объектов науки (логические конструкторы).

Современная исследовательская работа по реконструкции исторического ландшафта философского знания конца XIX – начала XX века в России четко показывает, что рецепция идей неокантианства «на русской почве» проходила довольно затруднительно и «состоялась во многом благодаря личным усилиям некоторых – немногих – молодых русских философов, воодушевленных кантовской просветительской идеей...» [6, с. 20]. Так, «в широком идейном спектре российского философствования начала прошлого века неокантианство, направленное на защиту традиции рационализма и философского критицизма, с большим трудом пробивало себе дорогу в российское научное сообщество. Критикуя и пересматривая принципы церковности, многие российские мыслители рационалистически обоснованному отказу от этих принципов предпочли строительство еще одного “воздушного замка” над устаревшей конструкцией из христианских мифов» [Там же, с. 19-20].

Словом, исходя из того, что отечественное философствование было «традиционно иррационально», т.е. ориентиры и акценты в первую очередь расставлялись на внутреннем духовном опыте искания истины, рационально ориентированному философскому течению неокантианства было весьма непросто занять свою нишу в интеллектуальном пространстве Серебряного века. И вскоре, по существу не найдя сколько-нибудь основательного количества адептов (а равно и достойных противников), неокантианство в России становится маргинальным течением философской мысли, оказавшись неспособным эффективно противостоять марксизму. Для марксистов русские неокантианцы – воинствующие идеалисты, враги материализма. Знаменитая дореволюционная ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм» стала идейной основой для оценки неокантианства как реакционного, оппозиционного и, следовательно, «вражеского» учения. Так неокантианство в России оказалось, по сути, забытым (и с точки зрения исследовательского интереса) на долгие годы философским течением.

Таким образом, скрытая до недавней поры огромная часть того интеллектуального айсберга, что все же имел место в истории отечественного философствования, открывает нам новые пространства и перспективы историографических исследований, следствием чего должна стать «новая» адекватная рефлексия проблемного поля и философских притязаний русских неокантианцев конца XIX – первой трети XX века.

В нашем же исследовании, основная цель которого состоит в освещении генезиса логических исследований в рамках отечественной школы неокантианства (а именно его конкретных представителей – А. И. Введенского и Б. А. Фохта), методологически неизбежно приходится редуцировать философскую систему всего русского неокантианства к А. И. Введенскому (1856-1925 гг.), как к некоторой теоретической константе, концептуальному ядру, которое, испытывая исторические трансформации, не осталось неизменным, а существенно преобразовалось и видоизменилось.

В формировании его философского мирозерцания кантианство сыграло решающую роль. Уже в магистерской диссертации «Опыт построения теории материи на принципах критической философии» (1888 г.) ориентация на философское учение И. Канта была очевидна, т.к. основные идеи зафиксированы в специальных главах: «Глава II. Принципы критической философии» и «Глава III. О приемах критической философии и ее отношениях к другим наукам». И вот как он прокомментировал лозунг, выдвинутый О. Либманом: «На самом же деле

рекомендуется не просто возврат к Канту, а усвоение созданных им принципов критицизма с тем, чтобы, очистив их от примесей догматизма, идти еще дальше Канта в развитии чисто критической философии» [3, с. 149].

Следует отметить, что в настоящее время между исследователями русского неокантианства существует некоторая разобщенность во взглядах. Именно, она заключается в том, что некоторых отечественных философов эпохи *fin de siècle*¹ современные исследователи философской традиции России относят прямо и непосредственно к ортодоксальным кантианцам, хотя «в немецкой исследовательской литературе не утихает спор о том, кого же считать неокантианцем и чем неокантианец отличается от кантианца. При этом предлагаются различные критерии, согласно которым выделяется различное количество школ и направлений неокантианства. Тем более сложно эти дистинкции провести в отношении отечественных философов, сделавших критическую философию Канта своей основной отправной точкой» [2, с. 161]. И далее: «Особенно данное обстоятельство относится к родоначальнику и наиболее последовательному русскому неокантианцу А. И. Введенскому. Еще раз подчеркну, что основная интенция неокантианства: “Назад к Канту, чтобы двигаться дальше” была присуща и русской неокантианской мысли, но многие ее особенности, связанные, в частности, и с особенностями русской философии в целом, стали причиной сомнений некоторых отечественных исследователей в неокантианском характере их философствования» [Там же, с. 162].

Поэтому призыв Н. А. Дмитриевой «поставить здесь принципиальный для российского неокантоведения вопрос о принадлежности к неокантианству тех или иных российских мыслителей» [7, с. 134], по крайней мере, в отношении А. И. Введенского, думается, не имеет пока серьезных оснований. К тому же, основоположники немецкого и русского неокантианства (Г. Коген и А. И. Введенский) не отличались между собой кардинальным образом в отношении понимания задач философии: «... и тот, и другой видят ее в обосновании возможности научного познания и в обосновании научности самой философии...», – отмечает В. Н. Белов [2, с. 162].

Так, отметим, что в 1909 году Бестужевские курсы выпускают в свет первое издание книги А. И. Введенского «Логика как часть теории познания» (всего было выпущено четыре издания). «Логика...» была итогом многолетнего преподавания мыслителем самого предмета логики, а также философии и психологии, но в качестве учебного пособия она несколько раз издавалась литографическим способом под названием «Логика в связи с критической теорией познания». В 1910 году учебник А. И. Введенского «Логика для гимназий» был удостоен премии имени Петра Великого (!), учрежденной Министерством народного просвещения. Исходя из всего вышесказанного, возникает вопрос: в чем же заслуги самого профессора А. И. Введенского относительно логических исследований?

Итак, излагая в своей работе «Логика как часть теории познания» (3-е, вновь переработанное издание; 1917 год), по сути ту же логику Аристотеля, А. И. Введенский ввел в «основной закон сознания» логический принцип противоречия (точнее – невозможности противоречия), т.к. он является вполне естественным для наших представлений и нормативным для нашего мышления. Именно с этого времени мыслитель уже употребляет термин «логицизм», который ранее он не использовал и излагал его в виде всего лишь дополнений и поправок к кантовскому критицизму. Как пишет сам А. И. Введенский: «...только под конец печатания я подметил, что из этих дополнений может быть выработано новое, совершенно независимое (конечно, логически, а не генетически независимое) от критицизма доказательство неосуществимости метафизического знания» [4, с. III]. Так, «Введение логицизма понадобилось ему для дополнительного обоснования истинности философского учения Канта» [1, с. 761].

«Логичизм» стал очевидным доказательством неосуществимости метафизического знания и был достаточно высоко оценен в научном сообществе. Обосновывая собственный «логицизм» на принципах кантовского априоризма, А. И. Введенский трактовал априорность в смысле необходимости исходных, недоказуемых в системе знания, но заведомо годных для знания суждений.

Именно из общих правил логики А. И. Введенский выводит заключение о границах нашей когнитивной способности и о невозможности метафизики в виде знания, тем самым наглядным образом подтверждая философское значение логики. Отметим, что именно «логицизм» становится тем центральным стержнем, вокруг которого мыслитель выстраивает всю свою критико-гносеологическую концепцию.

И здесь следует выделить то немаловажное обстоятельство, что, по мнению А. И. Введенского, логика имеет действительно громадное значение для построения философского мировоззрения. А философское мировоззрение, в свою очередь, будет считаться разработанным только тогда, когда оно опирается на особую науку – гносеологию, составляющую основной и важнейший отдел философии.

А. И. Введенский усматривал непосредственную важность логики для философии именно через гносеологию. Так, первостепенным условием фактически существующего знания (в математике и естествознании), конечно, является правильность мышления и гносеология должна, в первую очередь, выяснить условия правильности мышления, став, тем самым, прежде всего логикой. Следует вывод, что логика образует собой часть гносеологии, именно – ее первую часть, выделенную в особую философскую дисциплину. «Логика так важна для философии, что, можно сказать, не стоит заниматься философией без основательного знания логики: без него можно только научиться эффектно болтать и резонерствовать по поводу разных философских вопросов, но нельзя их понять во всей их глубине», – был уверен русский философ [4, с. 37].

А. И. Введенский вменял логике право касаться всех тех вопросов, которые затрагивает гносеология. Мыслитель строил собственную критико-гносеологическую концепцию как разъяснение принципов критицизма в отношении метафизической проблематики, развивал эти принципы и, в конце концов, дополнил их

¹ Конец века (фр.).

собственным «логицизмом», предлагая нам оригинальное осмысление природы метафизического постижения – моральную веру.

И в этой связи представляется весьма последовательным некоторый компаративный анализ логических исследований А. И. Введенского и Б. А. Фохта (1875-1946 гг.) – неокантианца (ортодоксального), ученика и идейного последователя марбургского схолаха Г. Когена. Как отмечает Н. А. Дмитриева, Б. А. Фохт был «Лидером и пионером, открывшим для России традицию марбургского неокантианства и воплотившим своей уникальной жизнью в науке судьбы этой философской школы...» [9, с. 11].

Как ортодоксального неокантианца, Б. А. Фохта, безусловно, интересовал предмет логики, на что справедливо указывает исследователь творчества философа Н. А. Дмитриева: «В архиве Б. А. Фохта хранится работа “Курс логики”, подготовленная к печати с резолюцией: “В набор” (от 15.08.1947). Однако работа так и не была издана: в одной из рецензий на рукопись Фохта отмечалось заметное “влияние неокантианства” на характер изложения материала...» [Там же, с. 36].

В самом деле, Б. А. Фохт в своем «Курсе логики»¹, согласно программной антиметафизической установке неокантианцев марбургской школы (где исключалась возможность построения различных универсальных картин мира), занимается только лишь «чистым гносеологизмом» и изложением логики Аристотеля. Исключив всякую психологистскую интерпретацию и трактовку мыслительных процессов с точки зрения психологии, философ смело и с большим знанием логической проблематики вводит читателя в сферу основных понятий, законов и пр. логического учения. Здесь философ ссылается на довольно обширный круг западных логиков и методологов науки, тем самым показывая большую эрудированность в вопросе и широкую осведомленность в логико-методологических приемах.

Отметим, что А. И. Введенский также старался отмежеваться от психологизма в своих логических исследованиях. Так, Н. О. Лосский (1870-1965 гг.) обвинял учителя (А. И. Введенского) в психологизме на страницах «Логики профессора А. И. Введенского» (1912 г.). Н. О. Лосский замечал, что последовательно избежать психологизма в логических исследованиях может лишь тот философ, который нашел точный критерий для разграничения логики и психологии, а затем показывал, что А. И. Введенскому это не удалось. Возможно, именно этим фактом критики продиктованы изменения, внесенные А. И. Введенским в третье, вновь переработанное издание «Логики как части теории познания» (1917 г.). Он намеренно исключает из нее фрагменты психологической проблематики и посвящает задаче разграничения предметов логики и психологии первую главу монографии-учебника («Глава I. Задачи логики и ее отличия от психологии»).

Парируя критику Н. О. Лосского, А. И. Введенский обнаруживает всю ошибочность его мнения, будто бы логика должна опираться на, так называемую, гносеологию и, напротив, указывает, что гносеология должна подчиняться логике как нормативной дисциплине. Логика должна составлять первую и неотъемлемую часть гносеологии. Эта уверенность А. И. Введенского подкрепляется тем, что его логика идентифицируется в умах читателей все же не как логика открытия новых горизонтов познания (без эвристического значения), а как логика проверки наличных суждений и умозаключений; как следствие, отсюда вытекает, что гносеология должна руководствоваться логическими правилами и требованиями, но никак не наоборот.

Возможно, в силу вышеуказанных обстоятельств не оставляет Б. А. Фохт без внимания и профессор А. И. Введенского, на которого периодически ссылается как на авторитетного отечественного логика: «Не находим мы у АРИСТОТЕЛЯ также и особой формулировки непосредственного умозаключения, обозначаемого современными логиками (например, профессором А. И. ВВЕДЕНСКИМ) как “ограничение третьего понятия” или “ограничение третьим порядком”». Также и далее по тексту: «Если под СОДЕРЖАНИЕМ понятия мы будем понимать совокупность его СУЩЕСТВЕННЫХ признаков, т.е. таких, “из которых каждый, взятый отдельно, необходим, а все вместе они достаточны, чтобы отличить данный предмет или же данную группу предметов от всех остальных” (определение профессора А. И. ВВЕДЕНСКОГО)...».

Конечно, между А. И. Введенским и Б. А. Фохтом существуют и принципиальные расхождения во взглядах на некоторые логические проблемы. К таковым можно отнести существующий со времен И. Канта (1724-1804 гг.) спор о самостоятельности четырех фигур силлогизма. Логическое учение о силлогизмах вызвало в свое время немало научных дискуссий. Данное обстоятельство лишь вновь подтверждает нам то, что иногда даже сами логики не вполне могут разобраться во всем многообразии тонкостей этой науки. Хотя, безусловно, здесь следует учесть тот факт, что к концу XIX века в России логика не являлась еще в достаточной степени разработанной научной дисциплиной и самостоятельным учением.

Сами дискуссии возникли на почве выяснения важности каждой из четырех фигур силлогизма, относительно которых А. И. Введенский доказывал, что каждая из них может быть сведена на любую другую. Доказательству этой мысли посвящена брошюра, вышедшая из-под пера автора в 1897 году под названием «Новая постановка вопроса о самостоятельности четырех фигур силлогизма», содержание которой, в принципе, почти целиком вошло в «Логик как части теории познания», но в несколько размытом виде.

Так, еще с той поры, как И. Кант напечатал в 1762 году свою статью, в которой он учение о четырех силлогистических фигурах объявил ложной хитросплетенностью, учением не проясняющим, а затемняющим нашу мысль, среди представителей логики установилось нерешительное отношение к ее учению о

¹ В дальнейшем мною будут приводиться цитаты из «Курса логики» Б. А. Фохта без указания страниц по той причине, что данный учебник-монография еще не издан типографическим способом, и нам приходится работать с перепечатанным машинописным способом с рукописи вариантом указанного учебного пособия. Машинописный текст «Курса логики» Б. А. Фохта был любезно предоставлен Н. А. Дмитриевой и планируется к изданию в 2011-2012 гг. под его оригинальным названием «Курс элементарной логики» Б. А. Фохта.

силлогизмах. Одни, примыкая к И. Канту, утверждали, что самостоятельное значение имеет только одна силлогистическая фигура, именно – первая, а прочие же представляют собой лишнюю хитросплетенность, т.к. все их модусы сводятся к модусам первой фигуры; другие, как и во времена схоластики, горячо настаивали на важном значении учения о четырех фигурах.

Для самого А. И. Введенского в решении этого вопроса было все вполне очевидно, так как принципиально все возможные точки зрения на силлогизмы могут быть сведены к двум основным, именно – к практической и теоретической. При первой из учения о силлогизмах с необыкновенной самоуверенностью хотят сделать часть руководства к правильному мышлению, устанавливающую ряд предписаний, как мы должны умозаключать в тех или других случаях. С теоретической точки зрения это учение должно быть рассматриваемо или как ценное само по себе (как описание действительности), или же как средство для решения других теоретических вопросов.

И. Кант держался практической точки зрения, когда отрицал самостоятельность всех фигур силлогизма, кроме первой. Он говорил, что три другие фигуры не ошибочны и не дают неправильных выводов, но вполне бесполезны, ведь цель логики – сводить всякое знание к его простейшему виду. Действительно, те же самые выводы, которые получаются при помощи других фигур, могут быть получены и при помощи одной лишь первой, если их посылки подвергнуть небольшому, чисто формальному преобразованию. В самом деле, если рассматривать логику как руководство к правильному мышлению, пожалуй, незачем употреблять несколько орудий, когда те же самые цели могут быть достигнуты при помощи лишь одного из них.

И на этот счет А. И. Введенский отзывался так: «Уступим эту мысль без всякого спора, хотя она и вызывает опасение, что работа, производимая при помощи какого-нибудь единственного орудия, не может быть столь быстрой и тонкой, как при помощи нескольких разнообразных» [5, с. 120]. Таким образом, мыслитель смотрел глубже и пришел к той мысли, что и сам И. Кант, и его подражатели забывают о том, что учение о силлогизмах никогда не может служить руководством к правильному мышлению. Поэтому в логике, если ее рассматривать только как руководство к правильному мышлению, нет места ни учению о четырех фигурах, ни учению об одной фигуре: и то, и другое оказывается в ней излишним.

В самом деле, случается так, что люди, отлично знающие предмет логики, зачастую нелогично мыслят, и наоборот, те, кто никогда не занимался ей, часто обладают безукоризненным мышлением. Если обратиться к интроспекции (самонаблюдению), то нам станет вполне ясно, что умозаключение нами проверяется без всяких справок с логикой, просто-напросто чувствуется, что оно правильно, т.е. мы чувствуем, что, признав его посылки, мы обязаны признать и его вывод. Лишь впоследствии, сделав наши умозаключения предметом особого исследования, мы выясняем для себя, при каких условиях может быть получен вывод, при каких нет и каким он должен быть в зависимости от этих условий. Более того, наше самонаблюдение неоспоримо свидетельствует, что наша умозаключающая способность только тогда хорошо и работает, когда на нее саму, т.е. на ее деятельность, мы не обращаем никакого внимания, а целиком сосредотачиваем его на том материале, над которым она оперирует.

С теоретической точки зрения на силлогизмы нам, конечно, бросается в глаза тот факт, что тот самый вывод, который мы получаем по какому-нибудь модусу другой фигуры, будет получен и по первой. Данное обстоятельство и заставляет некоторых исследователей подразумевать под словом «самостоятельность силлогизма данной фигуры» его несводимость на силлогизмы другой фигуры. Но любопытная вещь (!), а нельзя ли такими же путями, какими мы сводим другие фигуры к первой, свести и всю первую фигуру к другим? В действительности это вполне возможно, на что А. И. Введенский справедливо указал: «А отсюда неоспоримо следует, что если мы под словом самостоятельность данной фигуры подразумеваем ее несводимость к другим фигурам, то они все оказываются одинаково несамостоятельными и поэтому всякий спор о числе самостоятельных фигур упраздняется, становится непозволительным: нет ни одной самостоятельной (т.е. несводимой) фигуры» [Там же, с. 123].

Таким образом, к учению о силлогизмах А. И. Введенский предлагал относиться только как к средству решения других теоретических вопросов (логики, гносеологии). Факт же сводимости фигур, распространяясь и на первую фигуру, никак не может свидетельствовать об ее преимуществах перед другими. Он, напротив, показывает, что если рассматривать силлогизмы как чисто умственные процессы, то в них вообще нет никаких фигур.

В свою очередь, Б. А. Фохт, напротив, мыслил исключительно в рамках логики Аристотеля и категорически не принимал и полностью отрицал четвертую фигуру силлогизма. Его воззрения по данному вопросу таковы: «Никакого ЧЕТВЕРТОГО способа высказывания предиката (т.е. А) о вещи (т.е. Г) не только нет, но, как высказывается АРИСТОТЕЛЬ, и не может быть, почему и возможны только три указанные им фигуры силлогизма, тогда как он, напротив, принципиально не допускал и со своей точки зрения и не мог допустить никакой четвертой возможности, хотя, конечно, и не отрицал возможности чисто внешних ВИДОИЗМЕНЕНИЙ (модусов) силлогизма по так называемому существу, однако лишь мнимой, ЧЕТВЕРТОЙ фигуры».

Таким образом, в связи с тем что (кроме А. И. Введенского и Б. А. Фохта) большинство выдающихся отечественных философов последней четверти XIX – начала XX века имеют логические работы (чаще – учебники), то имеются все основания говорить о начале процесса отделения логики от философии и становлении логики в самостоятельную научную дисциплину, хотя при этом она еще и оставалась «тематически связана с остальными дисциплинами, составлявшими университетскую философию, в особенности – с гносеологией и психологией, что накладывало на нее заметный отпечаток» [8, с. 12]. В целом же, логика в России конца XIX – начала XX века носила черты психологизма в силу ее тесной взаимосвязи в контексте учебного процесса с психологией и гносеологией, а также потому что ее предмет еще строго не отделялся от предмета этих областей знания, что и попытались справедливо исправить русские неокантианцы.

Список литературы

1. **Абрамов А. И.** О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Кант: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2005. 928 с.
2. **Белов В. Н.** Проблема рационального и иррационального в русском неокантианстве // Духовный континент русской философии: сб. науч. статей / под ред. В. А. Фриауфа. Саратов: Саратовский источник, 2009. 228 с.
3. **Введенский А. И.** Вторичный вызов на спор о законе одушевления и ответ противникам // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 18.
4. **Введенский А. И.** Логика как часть теории познания. Изд-е 3-е, вновь перераб. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1917. 412 с.
5. **Введенский А. И.** Новая постановка вопроса о самостоятельности четырех фигур силлогизма // Commentationes philologicae: сб. статей в честь Ивана Васильевича Помяловского. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897.
6. **Дмитриева Н. А.** Русский «неокантианец» в коммуникативном пространстве Серебряного века // Русская антропологическая школа: труды. М., 2007. Вып. 4/2.
7. **Дмитриева Н. А.** Русское неокантианство. «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с.
8. **Попова В. С.** Логика в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века (дискуссия А. И. Введенского и Н. О. Лосского): автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2006.
9. **Фохт Б. А.** Избранное (из философского наследия) / публ., предисл., коммент., пер. Н. А. Дмитриевой. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 456 с.

LOGICAL RESEARCHES OF RUSSIAN NEO-KANTIANISM (A. I. VVEDENSKII AND B. A. FOHT)

Vladimir Alekseevich Dudyshkin, Ph. D. in Philosophy
Department of History and Philosophy
Tambov State Technical University
vecy@mail.ru

The author considers logical researches genesis within the limits of Russian neo-Kantian school of the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries. In order to exclude quite capacious research process the author chose the comparative analysis of the two brightest personalities of native neo-Kantianism: A. I. Vvedenskii and B. A. Foht whose scientific-research philosophical activity is interesting from the point of view of the contribution to the rational tradition of native philosophizing.

Key words and phrases: logics; philosophy; gnoseology; neo-Kantianism; psychologism; syllogism.

УДК 316.33

Настоящая статья раскрывает понятие музея как современного социального института. В статье анализируются условия возникновения музеев, выявлены изменения в их деятельности со времени появления до настоящего периода. Сделан вывод о том, что музей является важным элементом информационного общества и средством передачи накопленного человечеством опыта.

Ключевые слова и фразы: музей; социальный институт; социальные функции; информационное общество.

Светлана Вячеславовна Дунаева

Кафедра социальной антропологии и межкультурной коммуникации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
dunaevsvelana@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ И РОЛИ МУЗЕЯ И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ[©]

Социальные институты – неотъемлемые элементы современного информационного общества. Одним из них является музей, важная составляющая культурного пространства, поскольку «человек... находится в постоянных отношениях с миром, т.е. с вещами...» [1, с. 14]. «Уничтожить музей нельзя: как тень, он сопровождает жизнь, как могила, стоит за всем живущим. Всякий человек носит в себе музей, носит его даже против собственного желания...», поскольку «хранение есть свойство природы человеческой» [7, с. 372]. Таким образом, музей – это особая сфера культуры, в которой основой для формирования духовных ценностей служат предметные результаты человеческой деятельности. Музей как социальный институт организует и координирует деятельность людей по сохранению памятников прошлых эпох и передаче знаний о них, без музея эта деятельность имела бы, вероятно, разрозненный и непоследовательный характер.

Как известно, музеи появились на заре античности и в первую очередь были призваны проводить государственную идеологию, поскольку «...музей есть образ мира, вселенной видимой и невидимой, умершего и еще живущего, прошедшего и настоящего, естественного, ...а также и искусственного...» [Там же, с. 379]. Музеям предписывалось быть накопителями и распространителями информации, связанной с общественной и естественной историей страны. В ответ на это государство направляло на их развитие часть